

В.Хмелько: Дар компетентного признания

Когда ты познакомился с Виленом Филипповичем?

Я познакомился с Черноволенко, когда он нам, студентам-вечерникам, читал теорию познания. Мое основное впечатление, оставшееся в памяти, связано с проблематикой его лекций, которая нашла отражение в его работе “Мировоззрение и научное познание” (Киев, 1970). Это было для меня наиболее заметной частью его лекций, так как я как раз тогда занимался проблемами воспитания студентов-иностранцев, и мировоззренческая задача была одной из основных. Думаю, мне так запомнились те его лекции, которые касались мировоззрения, из-за того, что этот свой предмет он излагал в такой форме, которая последовательно, шаг за шагом логически вела к его концепции. Это не было нечто готовое (типа “бери и пользуйся”). Он подводил слушателей к своим выводам, вовлекая их в совместные размышления.

Это высокая профессиональная культура?

Высокая культура и педагогическая, и культура мышления, и философская культура. Культура мышления очень высокая, неспешность, стремление не сразу предложить готовый результат, сэкономив время (как другие преподаватели, которые просто давали что-то такое), а именно умение сделать слушателя своим соучастником, сотворцом результатов, к которым приходит преподаватель. Эта черта мне запомнилась и в последующих неоднократных беседах с ним, когда мы обсуждали какие-то проблемы. Это был именно способ размышления (чем-то он ассоциируется с тем, что мы знаем из курса истории философии о перипатетике — я имею в виду способ размышления).

Диалогический способ...

Да, диалогический способ. Постановка вопроса, рассуждения, возможные варианты, аргументы в пользу одного или другого. В общем, это стиль и преподавания, и мышления, и, на мой взгляд, очень важная черта его личности.

В этом он во многом отличался от других преподавателей...

Именно об этом я и говорю, потому что я таких других не помню. Таким Вилен Филиппович запомнился мне как преподаватель. А то, что он заинтересовал меня проблематикой, — это безусловно. Когда возник вопрос, чтобы выбрать тему курсовой, я выбрал именно тему мировоззрения.

Курсовую ты тоже писал у него?

Да. Курсовая работа в первом варианте называлась “О некоторых аспектах понятия мировоззрения”. Я ее разыскал, правда, это уже не первый вариант, но тема еще здесь сохранилась первая... Здесь есть ссылка на его монографию 1970 года... Я знал, что он участвовал в проекте Копнина “Логика научного исследования”, но “Логика” вышла на 5 лет раньше. Там его глава тоже посвящена мировоззрению. Это его тема, по которой он защищал кандидатскую диссертацию. К тому времени, когда он у нас читал, он уже защитился.

В одной из последних книг по философии науки встретил ссылку на его книжку “Мировоззрение и научное познание”. Долгожительство текста, особенно написанного в советское время, — это знак хорошего качества.

Конечно. То, что эта книжка была очень интересна для меня тогда, очень полезна, я хорошо помню. По этой тематике я написал курсовую, и с этого только началось наше тесное общение. Прочитав курсовую, Черноволенко предложил мне сделать из нее статью. Первая моя статья (“Світогляд особи: психологічна структура і функції”) из опубликованных в нашем украинском республиканском журнале “Філософська думка” как раз и представляет основное содержание той курсовой работы. Вышла она позже, выход ее задержался, но в тех дискуссиях, которые произошли между В.Ф.Черноволенко и В.И.Шинкаруком из-за публикации этой статьи, Вилен Филиппович проявился как личность, проявилась его мировоззренческая позиция. Сначала никаких дискуссий не было, просто Шинкарук как главный редактор журнала статью все время откладывал, и она пролежала довольно долго.

А Вилен Филиппович уже перешел в Институт философии в то время?

Да, он уже перешел в Институт, входил в редколлегию, поэтому участвовал в обсуждениях статей. Черноволенко как раз и настоял на том, чтобы обсудить в редакции эту статью, которую он рекомендовал к печати. Основное возражение Шинкарука на обсуждении против публикации состояло в том, что он считал ее неправомерной попыткой “протащить” в мировоззрение неосознаваемые компоненты психики. Он считал, что мировоззрение — это чисто сознательное образование.

Это Вилен Филиппович тебе пересказывал?

Да, это я знаю именно со слов Вилен Филипповича. Речь шла о том, что мировоззрение — это результат работы мышления, сознания и т.д. Черноволенко говорил, что, конечно, мировоззрение — результат работы сознания, но на какой-то же и эмоциональной основе оно покоится, не строится же оно как чисто логическая конструкция, которая вообще не затрагивает никаких интересов, ценностей и потому не вызывает никаких эмоций. Там, где есть интерес, есть и эмоции. Но это Шинкарука не убеждало. Я помню только некоторые аспекты из пересказа Черноволенко о том, как шло обсуждение, но эта дискуссия продолжалась, как говорил Черноволенко, примерно около часа. Самое забавное, как говорил Черноволенко, что Шинкарука удалось убедить, задав ему несколько вопросов. Черноволенко спросил: “Владимир Илларионович, мы ведь с вами интернационалисты?” — “Безусловно”. — “В нашем мировоззрении эта черта является достаточно существенной?”. — “Безусловно”. — “Скажите, какой первой была бы Ваша реакция, если бы Лена, Ваша дочь, пришла и сказала, что она выходит замуж за Джона из Нигерии?” Шинкарук буквально на минуту задумался и потом сказал: “Печатайте”. Вот, собственно, логика чувств и подвела его к такому решению.

Валерий, а как готовилась курсовая? Твои контакты во время подготовки? Он смотрел черновики или ты дал ему готовый текст, и это его вполне устроило? Были ли какие-то доработки?

Доработки были, но только по полному тексту. Поскольку мы с ним сначала обсудили концепцию и тему в общих чертах. Она называлась достаточ-

но обще: “О некоторых аспектах понятия мировоззрения”, а дальше речь шла о том, какого субъекта это образование, потом о том, принадлежит ли оно субъекту только как его сознание, что являлось обычным для нашей литературы (это был второй раздел). Здесь он мне, кстати, подсказал посмотреть работы Антонио Грамши, и я действительно нашел у Грамши рассуждения на эту тему, цитировал их. Третий раздел — это форма существования мировоззрения. То есть гипотеза была такая, что это не полностью осознаваемая самим субъектом некоторая конструкция его психики. Это третий тезис. Тогда, собственно, и Черноволенко говорил, что для него это сначала было неожиданно, он сначала с сомнением отнесся к этому, но когда я рассказал, что имею в виду, он вспомнил о Грамши.

Он подсказывал тебе кроме Грамши еще какие-то источники?

Ты знаешь, это хороший вопрос. Я сейчас прохожу по тексту и вспоминаю, что он мне рекомендовал “Введение в марксистскую гносеологию” Копнина. Эту работу он мне точно подсказал... Еще статью Копнина о природе и особенностях философского знания в “Вопросах философии” (1969 года), “Социальную психологию” Шибутани. Возможно, Кречмара “О понятийном аппарате социологической концепции личности”, но в этом я не уверен. Он точно советовал мне посмотреть статью Шинкарука “Марксистсько-ленінська філософія і світогляд” в первом номере журнала “Філософська думка” за 1969 год (данная статья открывала номер и этот журнал вообще. Она была концептуальной для самого Шинкарука и всей “киевской школы”. — *Р.Л.*). Возможно, что Ойзермана тоже он мне посоветовал — “Проблемы историко-философской науки” 1969 года. Пожалуй, может быть, и книгу Рубинштейна “Бытие и сознание” 1957 года. И кстати, “Лекции по социологии” Левады (“Информационный бюллетень” Советской социологической ассоциации”. — 1969. — Вып. 2. — № 6). Вот то, что мне запомнилось из советов по чтению, когда я готовил курсовую. Когда я ее закончил и ему отдал, то его замечания в основном касались формы изложения, по содержанию я не помню ни одной беседы или дискуссии. А насчет того, как подавать это в журнале, я помню, его советы были конструктивными, и они исходили из той идеологической реальности, которую он представлял себе гораздо лучше, чем я.

Ты делился с ним зреющими у тебя идеями, замыслами?

Да, особенно важной была для меня его реакция на вторую мою курсовую работу, по истмату, “О социально-классовом положении интеллигенции в советском обществе”, которую я писал у Павла Васильевича Курочкина (преподаватель философского факультета КГУ им. Т.Шевченко. — *Р.Л.*). Тот, оценив работу на “отлично”, посоветовал мне, чтобы не нажить неприятностей, никому ее не показывать, а следующую курсовую и дипломную работу писать у Анны Ивановны Горак (преподаватель философского факультета КГУ им. Т.Шевченко. — *Р.Л.*). Мне важно было узнать, как отнесется к этой работе Черноволенко, поскольку работа была, фактически, по социологии. А основным ее выводом было заключение о том, что выделение всей интеллигенции как особого класса (или социального слоя наряду с классами) в той же мере неправомерно, как и включение всей интеллигенции в основные классы в качестве внутриклассовых слоев. Лишь часть интеллигенции — условно говоря “распорядители” средств производства и труда других людей — характеризовалась как особый социальный слой на-

ряду с классами, а большая часть интеллигенции — как внутриклассовая прослойка класса работников физического и умственного труда.

Прочитав эту работу, Черноволенко мне позвонил и предложил встретиться. Это был не первый случай предложения встретиться, но всегда я сам ему звонил, он назначал время, а потом мы с ним встречались, обычно вечерами, гуляя по бульвару Шевченко и разговаривая. Он тогда жил ближе к площади Победы, с правой стороны. Мы с той стороны и поднимались к входу в Ботанический сад, не переходя на другую сторону, где машины поднимаются вверх (так как там они газуют, говорил Вилен Филиппович, то надо идти по той стороне, где они идут вниз). По Ботаническому саду мы тоже иногда ходили, иногда по парку Шевченко и обсуждали разные проблемы.

Незадолго до того случая, когда он позвонил ко мне, он читал мою другую работу, не студенческую, а отчет научно-исследовательской группы преподавателей КГУ факультета для иностранных граждан “Методика конкретизации, согласования и фиксирования задач формирования положительного отношения студентов-иностранцев к советской действительности”, которую отправили в его отдел на экспертизу. Мы с ним встречались, чтобы ее обсудить, и после нашего разговора об этой работе я отдал ему текст своей курсовой об интеллигенции.

Это было в то же время, когда он читал нам свой курс?

По-моему, это было позже. Когда мы встретились после того, как он впервые сам позвонил и предложил встретиться, наша прогулка и беседа длились очень долго. Основное, что я запомнил из того разговора, — это то, что он рассказывал о работе Джиласа “Новый класс”, говорил о том, что результаты, к которым я пришел, очень напоминают идеи Джиласа. И о том, что многое в нашем обществе требует изучения. Потом стал спрашивать меня о моих планах, и после многих вопросов вдруг спросил: “Что же Вы все-таки собираетесь делать дальше, когда закончите философский факультет? Будете организовывать политическую борьбу, писать манифесты и листовки или заниматься изучением этого общества, выяснением того, что же оно из себя представляет?” Я сказал, что, прежде всего, я хочу разобраться в этом обществе, а что будет потом, трудно сказать. Я не думаю, что можно быстро разобраться в том, что делать с этим обществом, и обстоятельства покажут, что тогда делать. Его реакция была такая: “Я считаю, что это правильное решение, и у нас есть все основания к тому, чтобы сотрудничать”.

После этой курсовой, поскольку она уже непосредственно касалась социологии в отличие от статьи о мировоззрении, хотя там тоже речь шла об эмпирических подходах к социологии личности, контакт у нас установился еще более тесный и доверительный. Мы с ним часто беседовали о проблемах политических, о том режиме, который у нас был (это еще брежневское правление), о ситуации после оттепели, о том, что собой представляли и “культ личности”, и оттепель. Эти беседы были нечастыми, раз в неделю или две, но они были регулярными. Я помню, что тогда я уже готовил диплом (следующую курсовую работу и диплом я делал у Анны Ивановны Горак).

Как это совмещалось?

Как это совмещалось, я сейчас уже плохо помню. Дипломную работу я, помню, закончил весной 1971 года, а курсовую у Анны Ивановны — в конце

1969 года. Она была опубликована в сборнике “Вісник Київського університету” (Сер. Філософія. — 1970. — № 4).

И ты ее тоже давал читать Вилену Филипповичу?

Да, это была тема, связанная с социальной структурой — “Производственные отношения как система определенных социальных зависимостей”. С темой курсовой, которую я делал у Курочкина, я решил разобраться более детально. Одним из результатов обсуждения этой работы с Черноволенко была постановка ряда вопросов о том, что представляют собой производственные отношения. Он говорил примерно так: “Анализ, который вы провели, основывается ведь на выделении в отношениях собственности отношений владения, пользования и распоряжения средствами производства. Но важно уяснить, что собой представляют производственные отношения как предмет социологического исследования, то есть как отношения социальные, складывающиеся между людьми, и как можно было бы подойти к их эмпирическому исследованию. Пока есть лишь кое-какая статистика о некоторых результатах того, что получается при структуризации общества производственными отношениями. Вопрос же в том, благодаря каким их свойствам и как именно они эту структуризацию обеспечивают”. В результате размышлений над тем, что говорил Черноволенко, я и предложил Анне Ивановне написать под ее руководством курсовую работу о производственных отношениях как социальных зависимостях.

Изначально курсовая писалась на русском языке, но для “Вісника Київського університету” я перевел ее на украинский, и она была опубликована под названием “Про виробничі відносини як систему певних соціальних залежностей”. Это тот результат, к которому я пришел в результате работы с текстами Маркса. И, кстати, результат, в операционализации которого и в построении соответствующих индексов я все еще надеюсь продвинуться. Но, как бы там ни было, интерес к переходу от проведенного анализа социально-классового положения интеллигенции к анализу производственных отношений как основной детерминанты структуризации общества был одним из тех творческих стимулов, который передался мне от Черноволенко. Эту работу он тоже читал, она ему понравилась. И мы обсуждали с ним, чего же не хватает для того, чтобы получить все-таки методику измерений тех социальных зависимостей, которые формируются в производственных отношениях.

Валерий, перед тем как перейти к дипломной работе, давай все-таки этот сюжет не забудем — его отзыв на твою работу о методике разработки программы воспитания студентов-иностранцев. Или это было после дипломной работы?

Это было перед дипломной работой. Этот отзыв как раз был после отзыва на курсовую, которую я написал под его руководством, и после отзыва на эту работу, после того, как мы пришли к выводу, что нужно заниматься не реорганизацией общества, а ре-осознанием общества. Тот уровень, который существует, говорил Вилен Филиппович, по сути дела, требует переосмысления. Он употребил для этого какой-то подобный термин, который я сейчас не помню. Тогда мы стали чаще встречаться, обсуждать, это было связано с подготовкой дипломной. А параллельно в его отдел пришла на отзыв наша работа по методике разработки программы воспитания положительного отношения студентов-иностранцев к советской действительности. Так

она полностью называлась. Работа была сделана на основе экспертного опроса методом интервью руководителей пяти уровней трех линий руководства (партийной, административной и комсомольской) о ценности и практической важности положительного отношения студентов-иностранцев к разным сферам советской действительности. Советская действительность была представлена как 15 ее сфер, и их нужно было проранжировать сначала по относительной ценности положительного отношения к ним иностранцев, а затем, по очередности того, к чему положительное отношение студентов-иностранцев необходимо как минимум. Опрос экспертов проходил последовательно, снизу вверх, по трем ветвям иерархии подчиненности, начиная от заведующих кафедрами, секретарей комсомольских организаций кафедр и секретарей их парторганизаций, потом, соответственно, руководства факультета, секретарей его комсомольских и партийных организаций, потом университета, потом руководителей соответствующих отделов горкомов партии и комсомола, министерства высшего образования и ЦК партии Украины и Союза. То есть опрос тех, кто ставит задачи, для того, чтобы они поставили их конкретно, потому что отношение к советской действительности имело много аспектов. Необходимо было ранжировать эти аспекты, выделить, что в первую очередь нужно разрабатывать, методики формирования и главное — контроля за тем, что же удастся достичь.

На каком уровне утверждалась эта тема? Ведь там были люди, которые засвечивали свои взгляды, в том числе и недомыслие?

Конечно, поскольку это было не анонимно, сразу говорилось, что это экспертный опрос, поэтому суждения экспертов разного уровня имеют разный вес, выстраивалась такая табличка, где колонками были списки фамилий: вот этот на первом месте — такое указание... В Министерстве нашем украинском очень не хотели, чтобы это дальше двигалось. Они были не против, чтобы мы организовывали в соответствии с полученными результатами программу, методы разрабатывали и прочее, у нас эта работа продолжалась. Но они очень не хотели, чтобы развивалось дальше направление по конкретизации целей воспитания, чтобы снова какие-то опросы проводились с начальственными лицами, чтобы мнение каждого стало видно. Потому что в Москве очень заинтересовались этими результатами. Самый главный в ЦК партчиновник (из ответственных за работу со студентами-иностранцами в Советском Союзе), когда я ему эти материалы привез, сказал, что наши данные вызывают интерес, сразу видно “у кого какая дурь в нашей системе”. Очевидно, это его отношение повлияло на отношение к дальнейшему применению метода экспертных опросов для этих целей в подчиненной ему парадии. Нельзя сказать, что это совсем затормозило нашу работу: методы исследования студентов-иностранцев, пожалуйста, разрабатывайте, а выяснять детальнее для чего именно, — увольте.

Что было передано на отзыв Вилену Филипповичу?

Ему пошел от факультета запрос на внешний отзыв именно о методах и полученных результатах, до того как они были посланы как результаты работы в министерства и вышестоящие партийные органы (внутреннее рецензирование прошло в университете, а теперь было внешнее — по отношению к университету). Министерство требовало внешнюю рецензию, и тогда отправили в Институт философии, в отдел социологии. И Черноволенко пе-

редал эту работу Паниотто, пояснив, что из-за сложной математики больше никто в этом не разберется. Кстати, наши, до этого довольно спорадические, контакты с Паниотто (на семинарах в отделе Амосова в Институте кибернетики по социальному моделированию) стали гораздо более активными. Во многом благодаря тому, что Черноволенко нас свел вместе. Потом мы общались с Паниотто, поскольку были вопросы по работе, он действительно в этом разобрался и очень положительно отозвался, но были вопросы и по ходу дела, не все было изложено достаточно четко и понятно читателю, даже хорошо подготовленному. Самые большие сложности там были с математикой.

А что сам Вилен Филиппович говорил по поводу этой работы?

Он считал, что это действительно научный подход, говорил: “Насколько они это могут сделать своим инструментом — это, конечно, вопрос”. И, по-моему, именно в этом контексте он процитировал мне слова Грушина, ставшие впоследствии крылатыми: “Нужна им эта социология, как Чингисхану Ученый совет”.

Да, это как раз те годы, когда Грушина изгнали из “Комсомольской правды”?

Во всяком случае, это было после Всемирного социологического конгресса в Варне. Это точно было после, потому что очень много тогда было разговоров о социологии, поскольку в Варне впервые на международном уровне были представлены работы советских социологов.

Вилен Филиппович тоже ездил в Варну?

Нет, Вилен Филиппович не ездил. Из Украины только молодежная группа ездил, как якобы студенческая группа, для студентов там были всякие скидки (проезд был дешевле, проживание)... На таких конгрессах есть определенные гранты для того, чтобы студенческая молодежь могла слушать метров, тех, кто их интересуется, потому что они там все выступают. Там как раз был знаменитый доклад Даниела Белла о постиндустриальном обществе. Это было в 1970 году в Варне... Я-то был студентом, но вечернего отделения философского факультета, и попал в эту группу от Университета только потому, что социолог в отделе науки украинского ЦК комсомола, В.П.Култыгин, заинтересовался нашей работой.

В ваших прогулках-беседах всплывала Чехословакия?

Да, точно всплывала. Я не помню, чтобы у нас оценки расходились, напротив, отношение было одинаково критичным. Мы затрагивали “события в Чехословакии”, как тогда говорили, когда обсуждали положение интеллигенции, устройство общества. Это первая половина 1968 года. Когда “Пражская весна” была еще в разгаре, и у Вилена Филипповича и у меня была надежда, что это может стать некоторым прорывом, новым этапом оттепели. А все это было просто задвинуто грубой силой. Примерно такого рода оценки в наших разговорах и звучали. Я не помню, чтобы они чем-то отличались. Это было глубоким разочарованием, хотя Вилен Филиппович и высказывался менее эмоционально. Я помню, что в наших разговорах с ним у меня часто верх брали эмоции. Он еще шутил, что во мне холерик берет верх над сангвиником.

Валерий, есть еще одно обстоятельство, которое я хотел бы зафиксировать. Черноволенко — преподаватель, ты — студент, хотя ты тоже был тогда преподавателем, и в каком-то смысле вы могли раз-

говаривать как коллеги. Но все-таки ты был его студентом. Как ты думаешь, насколько такая ситуация уникальна, что ты с преподавателем обсуждаешь достаточно острые политические сюжеты?

Роман, это ведь случилось после того, как мы очень откровенно обсуждали вопросы мировоззренческие и вообще такие, какие явно были не в ходу: соотношение бессознательного—сознательного... Советская идеология для Вилена Филипповича была явно чуждой. Это был первый шаг к сближению. Второй — когда он прочитал мою работу по социально-классовому положению интеллигенции, то он имел возможность увидеть, в чем состоит мой подход к подобным вещам, и подход этот ему явно импонировал. Он же прямо об этом сказал: “Важно, какие выводы вы собираетесь из этого делать — заниматься политической борьбой или наукой”. Когда он понял, что политическая борьба без осознания, изучения социальной реальности меня не привлекает, тогда он и стал со мной разговаривать более откровенно. Я ему рассказывал, как Курочкин отреагировал, отправив меня к Горак. С Анной Ивановной Вилен Филиппович — давние друзья. Анна Ивановна очень высокого мнения о Черноволенко, а Черноволенко — об Анне Ивановне. Короче говоря, у нас установились взаимно доверительные отношения, это не были уже отношения формально студента и преподавателя, а в каком-то смысле отношения учителя и ученика, только в одном статусе — преподавательском. Но это не было “на равных”: Вилен Филиппович всегда называл меня по имени, а я его — по имени и отчеству. Никогда не было, чтобы я его называл по имени или чтобы он меня по имени и отчеству в неофициальной обстановке. Это отношения разных поколений — учительского и ученического.

Давай поговорим о твоей дипломной работе. Черноволенко ее читал? Чья рецензия на нее была?

Чья рецензия — я точно не помню, скорее всего, Черноволенко. Но, вот то, что он ее читал, это — безусловно. Я помню точно, что по поводу наиболее абстрактной части этой дипломной работы он организовал нашу встречу с одним философом из Института философии, чтобы обсудить мою интерпретацию онтологического содержания и соотношения таких общих понятий, как отношение, связь, зависимость и взаимодействие. Очень сильно тот философ отличался от Черноволенко, вернее, Черноволенко весьма отличался умением и слушать, и критиковать аргументами, а не безапелляционными оценочными суждениями. Это очень — и очень положительно — отличало Черноволенко.

Отсутствовали амбициозность, апломб...

Да, у Вилена Филипповича этого не было. Я просто вспомнил об этой черте Черноволенко, которая весьма выгодно характеризовала его по сравнению со многими, кого я знал в своей жизни, включая Институт философии тех лет. Отсутствие высокомерного отношения к собеседнику, никакого вещания свысока, никакой безапелляционности. Его отношение всегда ощущалось как уважительное отношение к коллеге.

Какие еще моменты периода твоей дипломной и кандидатской могли бы дополнить портрет Вилена Филипповича?

Был один эпизод, связанный с дипломной работой, одна идея, которая впервые у меня тогда появилась. Она, собственно, наклеивалась уже в кур-

совой, но только в дипломной работе была прописана. И поддержка тогда этой идеи Виленом Филипповичем была для меня очень важна, поскольку у Анны Ивановны она вызывала некоторые сомнения, некоторый скепсис, я бы сказал. Речь шла о том, что на определенном уровне абстракции социальная действительность (общество) предстает как множество различным образом взаимодействующих индивидов и вещей. Пока что в социологической литературе общество определяется как состоящее из людей, все, что сейчас вокруг нас, все эти вещи, с которыми мы взаимодействуем и которые используем как инструменты и т.д., прямо как элементы общества не рассматриваются.

А Черноволенко это поддержал как заслуживающий внимания аспект анализа. Он говорил, что разговоры о владении, пользовании, распоряжении чем-то, что есть внешним по отношению к обществу, не имеют такого значения, какое имеет системный анализ, при котором объекты — это элементы системы, отношения к которым влияют на поведение субъектов как элементов этой же системы.

Как, скажем, собственность на землю — основа феодальных отношений...

Да, и на землю, и на заводы, фабрики и т.д., но и на свое жилье, на свою хижину, на свою шкуру убитого зверя, которую надевали. Это первые оболочки, которые были созданы при эволюционной трансформации биологических систем в социальные. Только это уже следующий момент, уже другая идея, которая появилась позже и которую также поддержал Черноволенко. И не просто поддержал, но и помог, как и прежде, ее опубликовать. А здесь, на этом этапе, я вспомнил, что подход, который не сводит анализ общества и его структур только к отношениям между людьми, взаимодействиям между людьми, но фиксирует и опосредованные через вещи взаимодействия между людьми, — идет от Маркса, просто он у Маркса в такой прямой форме не выражен. Когда определяется общество, то средства к жизни туда не включаются, но отношения по поводу средств к жизни относятся, по существу, с самого начала ко “второй природе”. У Маркса все это есть, но именно как “вторая природа”, как нечто внешнее по отношению к обществу. Черноволенко именно тогда обратил на это внимание, что главное здесь отличие в том, что у меня это рассматривается не как нечто внешнее по отношению к обществу, а как его составная часть.

Значит, Вилен Филиппович поддержал тебя в этом поиске?

Да, поддержал. Я не уверен в том, были ли у него какие-то пересечения с Анной Ивановной по данному поводу, но помню, что ее отношение к этому ходу мысли стало гораздо более толерантным. Эта идея вошла в текст моей дипломной, а потом подтолкнула к новой дифференциации основных этапов социогенеза и к новому тогда определению основного качественного отличия общественных отношений от стадных. Статью об этом Вилен Филиппович помог мне опубликовать в журнале “Філософська думка” в 1974 году. Ему очень понравилась идея выделять человека как существо, создающее не только орудия труда, но и знаковые системы. Помощь, которую он оказал в пробивании публикации этой статьи, — это один из самых запомнившихся эпизодов работы над диссертацией.

В то время ты уже заканчивал аспирантуру?

Публикация была в 1974-м, гораздо позже, чем это было написано. Эта статья тоже долго пробивалась. До того, в 1973-м, в “Вестнике Киевского университета” была опубликована другая идея, которая у меня созрела позже, чем критерий этапов социогенеза, но опубликована была раньше...

...О смене доминант?

Да. Вилену Филипповичу эта идея особенно понравилась. Он говорил, что это первая реальная закономерность, сформулированная в макросоциологии. Сама кандидатская работа стала существенно расширенным вариантом анализа производственных отношений в дипломной, так как здесь они рассматривались уже не как отношения в “общественном производстве материальных благ” (как в советских публикациях того времени), а как отношения в “общественном производстве людьми своей жизни”, как их определял Маркс. Это и позволило сделать вывод, что форма общественного производства жизни, которая определяется доминирующим видом производства, исторически изменяется. В начальном периоде доминирует производство самих людей как живых существ. Постепенное совершенствование людьми средств к жизни приводит к доминированию производства самих этих средств. Производство средств к жизни становится целью человека, а человек — его средством. Наступает период, на протяжении которого производство жизни приобретает формы производства определенных предметных средств ее существования. На первом этапе этого периода оно было аграрным. Потом оно стало индустриальным. Теперь оно становится информационным. Это было опубликовано в 1973 году, больше 35 лет тому назад. И Черноволенко уже тогда понял, что это — реальная закономерность, связанная с тем, как изменяется соотношение производительности труда в выделенных сферах производства и, соответственно, разделение общественного труда между этими сферами. Но это отдельный разговор. Важно не только то, что Вилен Филиппович теоретически принимал новое в условиях засилья консерваторов, но и то, что он готов был морально поддерживать идеи коллег. И даже тогда, когда эти идеи подвергались нападкам влиятельных в то время “марксистов-ленинцев”.

Черноволенко обладал редким качеством интеллектуальной открытости, способностью позитивно воспринимать чужие идеи, не так ли?

Безусловно. Он умел слушать, деликатно и по сути критиковать и так же по сути оценивать положительно то, что заслуживало такой оценки, стимулировать мотивацию к творчеству. В процессе творчества каждому человеку известны некоторые сомнения, когда, с одной стороны, кажется, что чего-то достиг, а с другой — сомневаешься, не пустышка ли это, может быть то, что уже давным-давно известно. Взгляд со стороны — не обескураживающий, а наоборот, поддерживающий — очень вдохновлял. Общение с Черноволенко вдохновляло на работу.

Это отмечают многие его ученики, с кем я общался, да я сам это помню по его отношению к моей курсовой по теории познания. И весьма ему признателен.

Это вдохновляло. Я бы даже мог сказать, что неизвестно, удалось ли бы мне сделать то, что я сделал за два с небольшим года в аспирантуре: с ноября

1971-го по декабрь 1973-го. Первые месяцы 1974 года (а аспирантура заканчивалась в октябре) уже шла только шлифовка текста по редакционным замечаниям Анны Ивановны. Работа была подана к защите на кафедру на полгода раньше окончания аспирантуры. Там было два основных вывода, которые решительно поддержал Черноволенко. Первый — о завершении антропосоциогенеза с появлением существ, которые создают не только орудия труда, но и знаковые системы; и второй — о закономерности смены доминант структуры процессов воспроизводства общества (и, на этой основе, о двух следующих этапах, в том числе — о переходе от информационного общества к человекотворческому). Поддержка этих идей Виленом Филипповичем (особенно в той ситуации, когда большинство членов кафедры клеймило их, как “подрыв исторического материализма”) в моральном отношении была для меня очень важна. Понимаешь, это очень редкий случай реальной моральной поддержки, которая высвобождает какие-то внутренние ресурсы для продолжения и работы, и борьбы за нее.

Фактически возникает некий интеллектуальный тыл?

Скорее, я бы сказал, базис, основа. Тыл — это для фронта, а поскольку это не фронт... Понимаешь, это опора, чувство того, что ты работаешь не зря.

А психологически — уверенность в себе?

Да, это уверенность, по крайней мере, в этой работе. И способность создавать такую ситуацию, такую атмосферу в общении — это чрезвычайно редкое качество, как показывает прожитая жизнь. Но это качество, которым Черноволенко явно обладал. Наверное, из всех людей, которых я знаю, только несколько человек с таким же удовольствием говорили бы о работе другого человека, который для них просто знакомый. Он тоже, конечно, понимал, что его влияние на меня заметно.

Если то, что я рассказывал, выглядело для Черноволенко убедительно, он всегда умел найти такие слова одобрения, которые давали вдохновение для дальнейшей работы, а когда он критиковал, то критика тоже всегда была доброжелательной и конструктивной. А критик он был довольно пронизательный и глубокий, поэтому учесть эту критику до конца означало решить такие творческие задачи, на выполнение которых уходили месяцы и месяцы, годы и годы. Причем критичным он был прежде всего к самому себе. Если он видел, что сделанное можно сделать лучше, то сакраментальное “лучшее враг хорошего” срабатывало вполне.

Оказывая позитивное творческое влияние на многих, он сам в то время очень редко публиковал что-то. Он очень долго свои тексты вынашивал и дорабатывал, что становилось порой предметом дружеских шуток в близком кругу, но стимулировать и вдохновлять на работу — этой редкой способностью он обладал вполне.

В твоей диссертационной работе, можно считать, не только Анна Ивановна, но и он выступал в качестве наставника?

Я бы не сказал наставника.

Партнера в творческом общении?

Я бы его назвал своего рода духовным спонсором. Он создавал моральную, психологическую атмосферу общения, которая побуждала и стимулировала к размышлению, поиску ответов на вопросы, которые поставлены, и

тем самым к получению результатов. Поскольку вопросы, которые он ставил, были не о том, что уже известно, а как раз наоборот: “А вот это как? А что же здесь тогда получится?” Вопросы, которые побуждали искать ответы, когда готовых ответов нет. Он умел ставить такие вопросы. Можно сказать, что создание творческой атмосферы научного поиска — один из главных вкладов Вилена Филипповича в развитие социологии. Зная, какое влияние этот человек оказывал на молодежь, на тех людей, с которыми он работал, я уверен, что вдохновение, которым он одаривал, не было избирательно, как если бы он лишь ко мне питал такие чувства. Нет, это стиль жизни, стиль мышления, стиль общения как личностное качество.

Получается — наставничество...

Да, наставничество духовное... Не одно только “идейное”, в узком смысле, хотя и идеями он щедро делился. Главное, что он давал и создавал, — это высоконравственная и высокоинтеллектуальная атмосфера научного общения и творчества. Именно она представляла безусловную ценность для многих, кто прошел школу Черноволенко.

В психологии творчества давно пришли к тому, что творческий процесс в науке невозможен без диалога...

Совершенно верно, хотя бы внутренний диалог, как минимум. А Черноволенко умел создавать эту атмосферу диалога и ситуацию диалога реального, очень доброжелательно-критического тогда, когда в этом есть нужда и доброжелательно-одобряющего, оценивающего, создающего ощущение небесмысленности твоего труда, его ценности. Тогда что-то получается. Это дар — умение оценить другого...

Личностный дар, способность признавать результат. Это редкий дар в науке — не ревновать к достижениям других. Дар признания.

Да, совершенно верно, это дар признания. Наряду с даром критического осмысления, потому что одно без другого малоценно. Просто признание неэффективно, в чем-то оно может помочь, но вообще оно малоэффективно. А когда человек может и покритиковать, и поддержать, и признать...

...Дар компетентного признания?

Да, совершенно верно, компетентного признания. Это очень ценное качество Черноволенко...

Интервью проведено Р.Ленцовским

2008, июль — 2009, январь